

7. Berger, Peter L. "Secularization Falsified." First Things/ Peter L. Berger // Washington, D.C. - 2008. – p.26.
8. Casanova H., «Religion, European Secular Identities, and European Integration» Eder, "Europäische Säkularisierung. Ein Sonderweg in die postsäkulare Gesellschaft?" [Электронный ресурс]/H.Casanova - режим доступа: <http://www.eurozine.com/articles/2006-07-07-eder-de.html> - Название с экрана
9. Учёные США о мировых тенденциях развития религии: [электронный ресурс] - режим доступа: <http://www.religion.in.ua/news/vazhlivo/2209-uchenye-ssha-o-mirovyx-tendenciyaх-razvitiya.html> -Название с экрана
10. Конец света настанет 21 мая: [электронный ресурс] -режим доступа: <http://world.comments.ua/2011/03/29/242408/konets-sveta-nastanet-21-maya-.htm>-Название с экрана
11. Генрих Фрик: [электронный ресурс] -режим доступа: <http://www.peoples.ru/science/history/frick/> -Назв.с экрана
12. Это Америка: [электронный ресурс] -режим доступа: http://news.xazar.com/ru/D0%B5_.html -Назв.с экрана

Худенко А.В. – доцент института социальных наук Одесского национального университета им. И. И. Мечникова

УДК: 130.2

ИНТЕНЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА ПОВТОРЕНИЯ

В статье рассматривается «умо-означающий» механизм повторения, суть которого представлена в феноменологии Гуссерля. Отмечено, что его действие разворачивается в интересубъективной интенциональной среде. Подчиняясь оптической силе, этот процесс нудится прибавлением все новых и новых предметностей, функциональная задача которых состоит лишь в обосновании идентичности.

Ключевые слова: повторение, интенциональность, интересубъективность.

У статті розглядається «умо-намічений» механізм повторення, суть якого наведена у феноменології Гусерля. Відмічено, що його дія розгортається у інтерсуб'єктивному інтенціональному середовищі. Такий, що підкорений оптичній моці, він постійно додає нові предметності і функціонує як процес обґрунтування ідентичності.

Ключові слова: повторення, інтенціональність, інтерсуб'єктивність.

Mind-signification mechanism of reiteration is studying in article. The milieu of one is intersubjective and intension. It doing by permanent augmentation of matters and has function to validate identity.

Key words: reiteration, intension, intersubjective.

Кантово учение о «схеме чистых рассудочных понятий» позволяет неспешно и внимательно рассмотреть работу механизма о-граниченного в самом себе повторения. Так, предвзяв «трансцендентальное учение о способности суждения» главой «о схематизме», Кант ведет речь о существовании некоего третьего, «чистого» акта, который опосредует категории и явления, и является одновременно и интеллектуальным, и чувственным [1, с.123]. Двусоставность схемы позволяет ей одновременно выполнять две задачи. С одной стороны, как отмечает Кант, «схемы суть истинные и единственные условия, способные дать понятиям отношения к объектам, стало быть, *значение*, и потому в конце концов категории не могут иметь никакого иного применения, кроме эмпирического, так как они служат лишь для того, чтобы посредством оснований а priori необходимого единства (ради необходимого объединения всего сознания в первоначальной апперцепции) подчинить явление общим правилам синтеза и таким образом сделать их пригодными для полного соединения в опыте» [1, с.127]. Таково содержание «схемы чистых рассудочных понятий»; и схема здесь суть акт «умного» означивания в обоснование уже наличествующего. Однако, производство значения имеет основание, которое условием чувственности ограничиваются [см.1, с.124]. Поэтому-то, с другой стороны, «хотя категории осуществляются прежде всего схемами чувственности, тем не менее они и ограничиваются ими, т.е. ограничиваются условиями лежащими вне рассудка (а именно в чувственности)» [1, с.127-128]. Такова схема в ее «эстетической» ипостаси. Если усилить это ограничивающее условие чувственности, то схема предстанет как «монограмма чистой способности воображения» и будет

сродни образу – «продукту эмпирической способности воображения» [1, с.125]. Напротив, «по удалению всех чувственных условий чистые рассудочные понятия сохраняют значение, однако чисто логическое, а именно значение только единства представлений, которым, однако, не дан никакой предмет и, стало быть, не дано и значение, допускающее понятие об объекте» [1, с.128]. Конечно, Канта не интересуют «пределы» схемы. Для него вопрос состоит в возможности *подведения* созерцаний под чистые рассудочные понятия и, обратно – *применения* категорий к явлениям [1, с.123]. Т.е. Кант ставит вопрос не столько об основании идентичности нечто либо обоснованности нечто как идентичного, но о связке – сообщаемости «подведения» и «применения».

Фактически речь идет об акте, который совершается в равноисходности «эстетики» и «умного означивания». Именно этот акт и назван кенигсбергским профессором «искусством» [1, с.125]. Дело в том, что удержать этот акт в его непротиворечивой различности – в «чистоте» – чрезвычайно сложно. Любое прикосновение к таковой «схеме» непременно приводит к соскальзыванию либо в поле «эстетики», либо в поле «умного означивания». Ссылка на время также не спасает его от «загрязнения». Если содержание времени в поле «умного означивания» и «эстетики» сходно, то его порядок и сам временной ряд различаются. В поле «умного означивания» время течет, если пользоваться гуссерлианской спецификацией времени, как горизонтное расширение ретенции; в поле «эстетическом» как ретенциональная предопределенность шествия за горизонт.

Таким образом, принимая во внимание кантово учение о схеме, можно сказать, что «одетое» повторение суть путь, шествующий на грани «эстетики» и «умного означивания», в котором оптико-акустические возможности совстречны.

В настоящем исследовании мы намерены испытать «умо-означающий» механизм повторения, который наиболее рельефно представлен в гуссерлианской феноменологии. Тестом проверки повторения будет для нас наличие и сохранность «другого». Ведь, повторением действительно утверждается идентичность нечто, если акцентируется отдельность «другого»; а любое же его вуалирование, стирание, потеря является симптомом «голового» повторения.

Итак, Гуссерль акцентирует «умо-означающий» механизм повторения. «Мы начнем, – отмечает Гуссерль, – с известного различия, – так сказать, – телесной стороны выражения и его нечувственной, ‘духовной’ стороны. Пускаться в ближайшие разъяснения первой нам не приходится – точно также как, как и способа, каким единят обе стороны. Мы же будем устремлять свой взор исключительно на ‘означивание’ и ‘значение’» [2, с.268-269]. С нашей точки зрения, это чрезвычайно значимый тезис Гуссерля, который делает все его последующие размышления об означивании и значении, лишь его обоснованием [2, §124]. Речь идет о том, что само означивание рассматривается как исключительно безгласная процедура, починенная оптике умного (ноэтически-нозматического) взгляда. Конечно, тело выражения – гласящее слово всегда двусмысленно и туманит; свет же не только всепроникающ, но и, будучи равным в самом себе, предстает в различии спектров, или интенций разной степени актуальности. В этом плане совершенно не случайно приводится пример со здесь присутствующим предметом, и таковой означается как «Это – белое». Как пишет Гуссерль, «такой процесс (означивания. – А.Х.) не требует ни малейшего ‘выражения’ – ни выражения в смысле гласящих слов, ни выражения в смысле, сколько-нибудь подобном словесному означиванию, – каковое последнее может ведь наличествовать и вполне независимо от гласящих слов, если бы, к примеру, таковые были бы забыты. Однако, если только мы ‘помыслили’ или высказали – ‘Это – белое’, – вместе с тем возник новый слой, нераздельный с ‘подразумеваемым как таковым’ чисто по мере восприятия. Таким способом эксплицируемо и выразимо и любое вспоминаемое и любое фантазируемое» [2, с.269]. Таким образом, только «чисто по мере восприятия», т.е. в длении оптики ноэтически-нозматического акта, возникает новый слой, который и называется Гуссерлем «логическим выражением». Таковое выражение уже не безгласно. Но «гласящие слова могут именоваться выражением только потому, что выражают принадлежащее им значение – в таковом изначально заключено выражающее. ‘Выражение’ – форма примечательная; она позволяет приспособить себя ко всякому ‘смыслу’ (нозматическому ‘ядру’), возвышая таковой до царства ‘логоса’, до царства понятийного, а тем самым всеобщего» [2, с.269].

Как мы видим процесс «означивания» предстает как двуслойный. Первый – суть акты «выражающие» – осмотрительность, смотрение, всматривание, высматривание и, наивысшая точка интенсивности взгляда – ноэматическое ядро, которые отпечатывают, вполне можно сказать, что прожигают, «выражение». Собственно «выражение» и есть второй, уже гласный, слой «означивания».

Каков же характер отношения между слоями? Этот вопрос важен, так как именно в нем сокрыта основная проблематика феноменологии. В отношении нашего предмета исследования

Гуссерль формулює її достатньо чітко: «Як слід розуміти ‘вираження’ ‘виражаемого’, як соотносяться виражені переживання з невыраженими і що претерпевають останні завдяки проіснуючим вираженням, – нас відсилають тут до ‘інтенціональності’ переживань, до їх ‘іманентному’ сенсу, ‘матерії’ і якості (т.е. присущому тезису характеру акту), до розрізненню цього сенсу і до цих суттєвих моментів, заключених в ‘пред-виражаемом’, до розрізненню значення самого виражаючого феномена і власних такому значенню моментів» [2, с.270]. В цій зв’язі відповідь на цей запитання, в такій-то ступені, передвизначений всім ходом феноменологічних пошуків.

З однієї сторони, ми бачимо, що «вираження» відбивається, вижигается інтенсивністю інтенціонального потоку. І тому це вижжене «вираження» може придбати, в певній ступені, самостійний статус. Як зауважує сам Гуссерль, «на образ наслоєння не можна занадто вже покладатися; вираження – це не нанесений зверху лак і не напаянне зверху плаття; це – духовне формування, яке виконує в інтенціональному нижньому шарі нові інтенціональні функції і відчуває на собі її корелятивно інтенціональні функції» [2, с.271]. Самостійність вижженого визначається тим, що воно виконує функцію збереження і зміцнення інтенції і може утримувати таке в схватывании. В той же час, з іншої сторони, в «нижньому» – нозмістически-нозматическому шарі функціональна задача вираження інша – незалежна: в ньому фіксується *характер* нозми, т.е. суб’єктивний спосіб даності об’єктивно висмотренного. Тому-то Гуссерль і відрізняє *характер* нозми від її *ядра*, де полагана предметність дана в об’єктивному модусі її об’єктивних властивостей. В своїй сукупності *характер* і *ядро* нозми утворюють «повну нозму». В цьому плані, наприклад, наша формула ідентичності – «нещо єсть воно само воно і не більше, ніж воно» (якщо прочитати її феноменологічним мовою), може виступати як «повна нозма»: нещо об’єктивно дається і виражається як дається.

На таку функціональну двоїстість і вказує Гуссерль: «Шар вираження – воно що складає його специфічне своєобразие – не продуктивний, якщо відвернутися від того, що він як раз і повідомляє вираження всім іншим інтенціональностям. Або, якщо зручно: продуктивність цього шару, його нозмістическе здійснення виснажується вираженням і вступаючою разом з таким новою формою понятійного» [2, с.271]. Однак, це не двоїстість субстанціонального порядку. Інтенціональний потік і, відповідно, оптичний акт «означивання» єдині. «Шар виражаючий (шар «вираження». – А.Х.) абсолютно суттєво незділений по своєму тетическому характеру з тим шаром, який претерпеває вираження (шар «виражаюче». – А.Х.), і в цьому їх збіганні друг з другом перший настільки приймає сутність останнього, що ми так просто і називаємо виражене представлення – представленням, виражене веровання, передположення, сумніве само по собі і як ціле – верованням, передположенням, сумнівем, рівним образом і виражене бажання або волення – бажанням або воленням. [...] Виражаюча сторона не може мати тезисом, позиціональним або нейтральним, кваліфікуєним інакше, ніж тезис шару претерпеваючого вираження, і в збіганні обох шарів ми виявляємо не дві тєси, які належало б розмежувати, а лише один тезис» [2, с.271].

Це єдність виражено, може бути, ще яскравіше в дослідженні Гуссерлем тимчасових об’єктів і рухів часу. Тут важливо звернути увагу на «місце» вираження, в якому схватывается виконання нозмістически-нозматического акту в русі самого цього акту. Так воно, в русі «схватывания» неперервно переходять друг до друга, вони мають межу в схватывании, яке конституює Тепер, яке є тільки ідеальною межею. Це єсть континуум, висходящий до ідеальної межі; подібно тому, як континуум відчуттів виду ‘червоний’ висходить до ідеально чистому червоному. В нашому випадку (в русі. – А.Х.) ми маємо, однак, не окремі схватывания, відповідні окремим нюансам червоного, які можуть бути дані самі по собі, а, виходячи з істоти речей, ми маємо і можемо мати тільки континуальність схватываний, або скоріше, один єдиний континуум, який постійно модифікується. Якщо ми розділимо цей континуум будь-яким чином на дві співвідносні частини, то та частина, яка включає Тепер, і відповідно, здатна його конститувувати, виділяється і конституює ‘грубе’ Тепер, яке одразу знову розпадається на тонке Тепер і Прошлоє, і т.д., як тільки ми ділимо його далі» [3, с.43]. Фактично вираження розташоване в своєобразній сітці координат. По відношенню до вектору абсциси, вираження є момент за моментом Тепер-схватывания. В «межі», яка відділяє один момент від іншого (межа-1), Тепер-схватывание конституює континуум Тепер-фаз руху. При цьому саме в русі, т.е. по відношенню до вектору

ординаты, Теперь-схватываемое является своеобразным ядром кометного хвоста ретенции, к которому отнесены предыдущие Теперь-точки движения. Здесь также мы могли бы сказать, что Теперь-схватываемое характеризуется «границей», отделяющей одно Теперь-схватывание от предыдущего (граница-2). Но Гуссерль не ведет речь о реальных «границах». Его «идеальная граница» «поселяет» Теперь-схватывание на постоянное жительство в ретенционном хвосте: выражение всегда отодвигается, т.е. не ко времени. Собственно, оно и может возникнуть только в движении, как печать исполненности: выражение всегда запаздывает.

Можно ли как-то скоординировать эти, фактически, «две» интенциональности, которые Гуссерль в «Феноменологии внутреннего сознания времени» называет «поперечной» и «продольной» [3, с.86-87]. Ведь, с точки зрения феноменологии, скоординированность, коррелятивность интенций суть факт идентичности нечто данного. «Очевидно, – как пишет Гуссерль, – необходимый процесс состоит в том, что я должен схватить сначала само До-Все-сразу (т.е. расположиться в континууме фаз. - А.Х.), и оно постоянно модифицируется, оно ведь есть то, что оно есть только в потоке; и теперь поток, в той мере в какой он варьирует это До-все-сразу, находясь интенционально в совпадении с самим собой, конституирует единство в потоке, и Единое и Идентичное сохраняют постоянный модус отодвигания; сначала устанавливается все новое и новое, чтобы тотчас точно также снова истечь в связности своих моментов. Во время этого процесса взгляд может быть зафиксирован на мгновенном Все-сразу (потоке, самом движении как таковом. - А.Х.), которое погружается; однако конституирование ретенционного единства выходит за эти пределы и прибавляет все новое и новое. На это может быть направлен взгляд в этом процессе, и сознание в потоке всегда существует как конституируемое единство» [3, с.87]. Как видим, такая координация достигается движением самого потока и характеризуется «прибавлением все нового и нового». При этом каждая схваченная фаза, фактически, может быть схвачена потому, что «прибавляется все новое и новое».

Таким образом, Гуссерль, характеризуя «означивание», не представляет его как однолинейный процесс. «Перед нами, – как он пишет, – своеобразная интенциональная среда, по своей сущности отмеченная тем, что она способна, так сказать, отражать по форме и содержанию любую иную интенциональность, отображая таковую в своем собственном окрашивании и при этом вводя в нее свою собственную ‘понятийность’» [2, с.270]. Видно, что эта среда двухслойна. Один слой «отражает» (abzubilden), следуя по линии нозтически-нозматического акта, и ядром нозмы, словно ядром кометы, выжигает «свою собственную понятийность» в гласящем выражении. В прожигании, собственно, и состоит продуктивность этого слоя. Однако само выражение, как слой «отображение» (einzubilden) – не продуктивен. В целом эта среда предстает в своем продуктивном единстве. Ведь, с одной стороны, само гласящее выражение есть лишь функция, чье значение коррелятивно тезису слоя, который «претерпевает выражение» в нозтически-нозматическом акте. С другой, непродуктивность самого выражения компенсируется, нейтрализуется «прибавлением все нового и нового» в едином движении среды. Так или иначе гласящее выражение всегда не ко времени. Оно предстает либо как «понятийная» голограммы, выстроенная оптикой нозтически-нозматического акта; либо как выжженные интенциональным лучом и осевшие в ретенционном хвосте письма. По сути, Гуссерль маркирует предельно разряженную оптическим лучом среду, которая «раздевает» повторение – копирует, как в зеркале, то нечто, что есть. Идентичность же нечто утверждается либо голографическим образом, либо в подвале времени осевшим его начертанием.

Насколько у Гуссерля не вызывал сомнения тот факт, что процесс «означивания» производил лишь гласящие голограммы или представлял себя архаикой письма? Т.е. насколько Abbildung продуктивно, если нечто, чтобы быть идентичным, лишь копируется, а Einbildung – непродуктивно? Гуссерль сам говорит, что «назойливые речи об отражении и отображении следует принимать с осторожностью, поскольку опосредующая их применение образность легко может ввести в заблуждение» [2, с.270]. Без таковой «образности», по всей видимости, и нельзя обойтись, маркируя среду предельно разряженную, в которой лучу интенции практически не за что зацепиться. И, как мы уже отмечали, Гуссерль сознательно пошел на такой шаг. Интересны «приемы», которыми Гуссерль старается некоторым образом «оплотнить» эту среду. Он говорит, что гласящее выражение продуктивно, как форма артикуляции интенциональности. И таковая форма не просто, как отмечается, «нанесенный сверху лак», но – «духовное формирование», которое специфическим образом «окрашивает» саму интенциональность. В этой связи акцентирование *характера* нозмы, субъективного способа данности интенциональной предметности, в отличие от ее *ядра* подчеркивает значимость «цвета» объективной предметности акта. В конце концов, само выражение выделяется в

Теперь-схватывании. С нашей точки зрения таковые «приемы» – акцентирование относительно самостоятельного значения выражения – ограничивают скорость интенционального луча: ритмизируют его и уплотняют. В этом плане гласящее выражение продуктивно не только потому, что оно есть духовное свершение интенциональности, обладающее специфическим характером, но потому, что оно маркирует границу «означивания» – ограничивает его. В таком ограниченном «означивании» идентичность нечто утверждается не в «прибавлении все нового и нового», но в границах этого прибавления.

И все же, сомнения Гуссерля, скорее, «идеальны», как «идеальна» та граница, которая хотя и различает фазы «схватывания», но подчиняет их непрерывному континууму интенциональности. Гуссерлианская среда «означивания» остается разряженной, в которой то нечто, что есть в наличии, в пути своей идентификации лишь голо копируется.

Есть ли место для «другого» в этой разряженной интенциональной среде? Насколько существование «другого» гарантировано актом «означивания» и, следовательно, в повторении утверждается идентичность нечто? Отвечая на эти вопросы необходимо отметить, что Гуссерль достаточно строг, шествуя по феноменологическому пути: «означивание» и встреча «другого» не два разных пути, но один. Обнаруживаемые нами параллели в этих процессах, не являются параллелями в строгом смысле слова, но факт единственности этого пути и верности ему.

Вопрос о существовании «другого» в интенциональной среде необходимо ставить предельно осмотрительно. Ведь в рамках гуссерлианской феноменологии речь может идти либо уже о моем собственном «другом», либо о механизме присвоения «другого». Гуссерль достаточно однозначно заявляет: «Ясно, что *его*, взятое в своей конкретности, обладает неким универсумом того, что является *собственным для него*, универсумом который подлежит раскрытию путем аподиктического исходного истолкования его аподиктического *его sum*. Внутри этой *исходной сферы* (исходного самоистолкования) мы находим и *трансцендентный мир*, вырастающий на основе *объективного мира* как интенционального феномена благодаря редукции к *своему собственному его*» [4, с.206-207]. Поэтому основная проблема состоит не в том, чтобы гарантировать отдельность «другого», а, скорее, как *его* / ее «разрядить»: осмыслить в горизонте собственного осмысления. При этом таковое осмысление происходит все в той же «интенциональной среде». И здесь Гуссерль достаточно последователен и строг. Однако содержание это среды уточняется. «В моей собственной сфере, – отмечает Гуссерль, – конституируется некое, включающее и меня самого, сообщество Я как сообщество сущих друг подле друга и друг для друга Я, конституируется, в конечном счете, некое сообщество монад, а именно как такое сообщество, которое (посредством своей сообща-конституирующей интенциональности) конституирует один и тот же мир» [4, с.211]. Именно «сообща-конституирующая интенциональность» и определяет intersубъективное содержание «интенциональной среды», в которой и гласящее выражение, и «другой» выступают модификациями интенции «я»: «интенциональная среда» суть среда intersубъективная.

С одной стороны, утвержденная в intersубъективности интенциональность (а таковая, с точки зрения Гуссерля, не может быть никакой иной, кроме как intersубъективной), действительно, не позволяет признать гуссерлианскую феноменологию солиптической в полной мере. С другой стороны, intersубъективное содержание интенциональности, отнюдь, не достаточный аргумент против солипсизма. Речь, по всей видимости, должна идти также о «пределе» самой intersубъективной интенциональности. Для Гуссерля таковым выступает «универсальная социальность», в которой «intersубъективно тождественный для всех жизненный мир служит интенциональным ‘индексом’, указывающим на многообразие явлений, сквозь которые, когда ни связаны друг с другом в intersубъективном синтезе, все субъекты (а вовсе не каждый только сквозь свои, только ему индивидуально свойственные многообразия) оказываются ориентированы на общий для них мир и его вещи как поле всех активных действия и т.д., связанных друг с другом во всеобщем Мы» [4, с.231]. Таким образом, «всеобщее Мы», или «универсальная социальность», или «тождественный для всех жизненный мир» – конституируемое в intersубъективном синтезе моей интенции, выступает «пределом» интенциональности, в которой, с точки зрения Гуссерля, и мир дан в своей объективной очевидности, и «я» воспринимаю «другого», как он воспринимает самого себя. Однако, если это «всеобщее Мы» дается в интенциональном акте, пусть даже с ‘индексом’ intersубъективности, то оно является собственностью «я»: конституируемая через «другого» и с его использованием, «всеобщее Мы» есть только по-моему-способу «всеобщее». Такое по-моему-способу в intersубъективности конституируемое «всеобщее Мы» определяет содержание «универсальной социальности»: любой «другой» есть лишь мой-другой, во-мне-находимый, но не как отдельный и

вне «я» находимый.

Именно, в «пределе» «всеобщего Мы», как «интерсубъективно тождественного для всех жизненного мира», и рассматриваются механизм присвоения «другого». На этом механизм следует обратить внимание, дабы заметить место расположение этого «другого».

Гуссерль выделяет в этом механизме, также как и в процессе «означивания», две «сферы». В первой – «другой» «мыслится только как аналог моего собственного. В силу своей смысловой конституции он с необходимостью выступает как интенциональная модификация моего объективированного «я», моего первопорядкового мира: «другой» в феноменологическом смысле, как модификация моей самости (которая, в свою очередь, начинает характеризоваться как ‘моя’ в силу возникающей теперь контрастной парности) [4, с.224]. Заметим, что уже в первопорядковой сфере сам факт восприятия «другого» презентирован в «контрасте парности», и эта контрастность в мгновение запускает механизм присвоения. Фактически артикуляция «другого» есть его потенциальное «поедание». Однако, если можно так сказать, отнюдь, не в «сыром» виде. «Здесь интенциональности должна быть присуща некая *опосредованность*, возникающего на основе *первопорядкового мира* как субстрата, который в любом случае образует непрерывный базис, и дающая возможность представить *со-присутствие* чего-либо, что тем не менее само не присутствует и никогда не может достичь само-присутствия. Речь, следовательно, идет о своего рода *приведении-в-со-присутствие*, о некой *аппрезентации*» (разрядка и курсив Гуссерля. - А.Х.) [4, с.214]. Аппрезентация – это некоторым образом вторая «сфера», в которой «другой» *готовится* приведением к со-присутствию. Если опять воспользоваться архаической метафорикой – *должное* быть съеденным сначала готовится. Факт того, что воспринятое будет «съедено» может вызвать сомнение, только если оно не будет надлежащим образом «приготовлено».

Процедура *приготовления* представляется Гуссерлем как «апперцептивный перенос»: «Поскольку в этой природе и в этом мире мое живое тело является единственным телом, которое конституировано и может быть конституировано изначально как живое тело, тело, находящееся там, которое тем не менее воспринимается как живое тело, должно получить этот смысл от моего живого тела в результате апперцептивного переноса и притом таким способом, который исключает действительно прямой и, следовательно, первопорядковый показ предикатов, специфически принадлежащих живой телесности, осуществляемый посредством обычного восприятия. С самого начала ясно, что только подобие, благодаря которому внутри моей первопорядковой сферы тело, находящееся там, связывается с моим телом, может служить основанием для мотивации восприятия по аналогии, при котором это тело воспринимается как живое тело ‘другого’. Таким образом мы имеем дело с уподобляющей апперцепцией, но ни в коем случае не с выводом по аналогии. Апперцепция не есть вывод, не есть мыслительный акт» [4, с.216-217]. Мы намерено привели это отрывок из «Картезианских размышлений» целиком. В нем отпечатана не только специфика гуссерлианского понимания апперцепции, но и представлены нюансы самой процедуры *приготовления*.

Характеристика Гуссерлем апперцептивного переноса выглядит в некоторой степени противоречиво. В самом деле, с одной стороны, он не допускает в результат апперцептуального переноса предикатов первопорядковой сферы. И здесь его видение апперцепции вполне согласуется с кантовой трактовкой таковой. Как отмечает Кант, действительно, «синтетическое единство многообразного содержания созерцаний как данное а priori есть основание тождества самой апперцепции, которая а priori предшествует всему моему определенному мышлению. Однако не предмет заключает в себе связь, которую можно заимствовать из него путем восприятия, только благодаря чему она может быть усмотрена рассудком. А сама связь есть функция рассудка, и сам рассудок есть ничто иное, как способность а priori связывать и подводить многообразное содержание данных представлений под единство апперцепции» [1, с.101]. В какой-то степени Гуссерль продолжает совершать реверансы в пользу кантовой трактовки апперцепции, в которой законодательствует рассудок. Так, он в продолжение характеристики апперцептивного переноса, указывает, что его результатом является то, что «даже не известные нам вещи этого мира, вообще говоря, известны в том, что касается их типа» [4, с.217]. Таковая «типологизаторская» функция апперцепции нашла все продолжение в феноменологической социологии Шюца. Может быть еще более весомым аргументом в пользу значимости уже отпечатанных типов является постулат о существовании самотождественной «универсальной социальности». Если немного сместить акцент и представить «социальность» в ее статичном модусе с уже существующими правилами, нормами и формами, но не как конституируемую в интерсубъективной интенциональности, которая *ad definition*

суть длящийся, и притом длящийся во времени, процесс, то *приготовление*, действительно, предстает как «приведение» к «типу».

Однако, нигде более Гуссерль не обращается к «типологизаторской» функции апперцепции. Напротив, сами «типы» должны быть раскрыты с точки зрения дления процесса и присущего ему горизонта. Поэтому-то Гуссерль в трактовке апперцепции, скорее, разделяет принципы «эмпирической» апперцепции Лейбница, нежели Канта: апперцептивный перенос совершается «внутри моей первопорядковой сферы» и выполняет функцию усиления этой «сферы», утверждая и укрепляя горизонт ее действия. В этом, собственно, и состоит назначение апперцепции. В «первопорядковой сфере» «другой» дается в своем присутствии – презентуется; в апперцепции он приводится к со-присутствию, чтобы укрепить силу «первопорядкового» действия к полноте и очевидности «другого». Таким образом, апперцепция предполагает некое ядро презентации и представляет собой приведение к со-присутствию посредством силы действия этого ядра. Видно, что апперцепция, как и выражение, не продуктивна. Она продуктивна только в той части, что касается необходимости сохранения и укрепления самой силы действия «презентационного ядра». В этом плане она и характеризуется как «опосредование». В целом же, презентация и апперцепция переплетены настолько, что образуют функциональную общность одного восприятия, в котором одновременно осуществляется и та, и другая, и которая тем не менее обеспечивает для совокупного предмета осознание присутствия его самого.

Наиболее рельефно презентационно-апперцепционное восприятие другого предстает если развернуть intersubjective intentionality во времени. «Подобно тому, – пишет Гуссерль, – как мое данное в воспоминании прошлое трансцендирует мое живое присутствие в настоящем в качестве его модификации, апперцептивное бытие ‘другого’ трансцендирует мое собственное бытие (в чистом и наиболее фундаментальном смысле: как то, что относится к первопорядковой собственной сфере)» [4, с.224]. Если мы вспомним гуссерлианский анализ временных объектов, то этот процесс можно представить таким образом: презентационное ядро, «пробивая» «другого» в Теперь-схватывании, ретенцирует его, и последующая «пробивная» сила презентации действует как уже апперцептивная. По завершению этого цикла, «другой», войдя в состав «контрастной пары» и являющийся только потенциально моим, присваивается: становится актуально собственностью «я». При этом единство и непрерывность потока присвоения «другого», который представляет собой дискретный – идеально ограниченный «сферой» апперцепции – континуум презентации, обеспечивается корреляционной составляющей intentionality. Фактически, наряду со «сферами» «первопорядковой» и апперцепционной выделяется и универсалия их связи. В *Кризисе европейских наук* Гуссерль, формулируя задачи феноменологии в исследовании онтологии жизненного мира, отмечает: «В рамках эпохи для нас открыта возможность последовательно направлять свой взгляд исключительно на жизненный мир или на его априорные сущностные формы, а с другой стороны, при соответствующем повороте взгляда, – и на корреляты, конституирующие его ‘вещи’ или формы вещей: на многообразии способов данности и их коррелятивные сущностные формы. А затем также и на функционирующие во всем этом субъекте и общности субъектов, сообразно присущим им сущностным формам Я. В чередовании этих частичных установок, при котором установка на феномены жизненного мира должна служить в качестве исходной установки, а именно в качестве путеводной нити для относящихся к более высокой ступени установок на корреляты, реализуется универсальная исследовательская задача» [5, с.233-234]. Здесь важно подчеркнуть, что корреляция не суть самостоятельная сущностная форма, но связка презентационно-апперцепционного континуума. В этом плане «универсальная социальность» есть, собственно, континуум intersubjective intentionality, длящийся презентационно-апперцепционно. И именно поэтому Гуссерль не абсолютизировал субстрат «типа», понимая, что это лишь точка временного равновесия континуума.

Таким образом, единство и непрерывность intersubjective intentionality разворачивается как континуум четырех составляющих: активность взгляда конкретного «я» и восприятие «другого» в качестве «контрастной парности» (1); «первопорядковая сфера» презентации «другого» (2); приведение «другого» к со-присутствию, или «сфера» апперцепции (3); презентационно-апперцепционная коррелятивность. Именно в единстве и непрерывности этих составляющих и разворачивается, с точки зрения Гуссерля, опыт «другого»: «В сложном строении этого опыта возникает презентативно опосредованная связь между непрерывно развертывающимся живым опытом самопознания конкретного его (как его чисто пассивным изначальным самопроявлением) и, следовательно, его первопорядковой сферы, – и презентуемой в ней

‘другой’ сферой. Этот опыт порождает такую связь в результате отождествления синтеза живого тела ‘другого’, данное как первопорядковое, и того же самого тела, только аппрезентированного в другом модусе явления, а также, исходя из этого и той же природы, которая дана и подтверждена одновременно и в первопорядковом отношении (в чистой чувственной изначальности), и аппрезентативно. Тем самым окончательно изначальное утверждено сосуществование моего Я (и моего конкретного его вообще) и ‘другого’ Я, моей и его интенциональной жизни, моих и его реальностей, короче говоря, изначальное учрежденной оказывается некая общая временная форма, причем каждая первопорядковая временность автоматически приобретает значение изначального способа явления объективной временности для отдельного субъекта. При этом мы видим, что временное сообщество монад, конститутивно соотносительных друг с другом, нерушимо, поскольку оно существенным образом связано с конституцией мира и временем этого мира» [4, с.245-246].

Видно, что в своей полноте и завершенности среда интересубъективной интенциональности исключительно тавтологична. В ней идентичность нечто обосновывается континуумом интересубъективной интенциональности. Внеаходимый «другой» оставляет след в двух точках этого континуума. Первая точка – некоторым образом, за пределами среды: на кромке горизонта «первопорядковой сферы». Однако, принимая во внимание, что действие этой «сферы» сопровождается «прибавлением все нового и нового», то этот «другой» – окказионный, или «по мере восприятия». По всей видимости, если фигура такого «другого» и существует, то с точки зрения интересубъективной интенциональной среды она относится к «проблематике аномалий». Так например, как пишет Гуссерль, «в том, что касается конституции (речь идет о корреляте интенциональности. - А.Х.), человек по отношению к зверю представляет собой нормальный случай, подобно тому, как я сам в конститутивном отношении являюсь изначальной нормой для всех людей; звери по существу конституируются для меня как аномальные модификации моего человеческого состояния, даже если потом в их среде можно обнаружить различие между нормой и аномалией» [4, с.242]. Эти «аномалии», конечно, доступны поправкам: изменению модификации интенциональности.

Вторая точка – в хвосте ретенциональной аппрезентационной «сферы». Здесь «другой» уже приведен в со-присутствие, но еще не является моим в полном смысле слова. Собственно, его присвоение совершается в возобновлении презентационного «прибавления все нового и нового». Поэтому для настоящего «первопорядковой сферы» со-присутствующий «другой» всегда в прошлом. Образно говоря, с точки зрения по-моему-способу конституированного «всеобщего Мы», «другой» предстает либо как «чуждый», который «по мере восприятия», так или иначе, будет включен в интересубъективную интенциональную среду; либо «отчужденным», которому отказывается в участии в возобновлении презентационного акта. Гуссерль предлагает только один способ «борьбы» с этими «аномалиями» – модификация интенциональности, т.е. «прибавления все нового и нового». Кажется, что чем выше скорость этого прибавления, тем выше коэффициент корреляции интенционального континуума, тем, следовательно, прочнее конституция «всеобщего Мы». Однако, скорость «прибавления» не может быть безграничным. И ограничена она возможностью сферы аппрезентации, которая, утяжеляя и снижая скорость «прибавления», обеспечивает возможность продолжения.

В нашу задачу входило рассмотреть «умо-означающий» механизм повторения. Мы предполагали его провокационную неустойчивость. Так, феноменологически расширяя процесс «означивание», мы увидели, что интересубъективная интенциональная среда, в которой он протекает, в своем полном и завершенном виде, тавтологична. Подчиняясь оптической силе, этот процесс нудится прибавлением все новых и новых предметностей, функциональная задача которых состоит лишь в обосновании нечто как вот этого нечто. В то же время мы отметили, что интересубъективная интенциональная среда не однородна и, следовательно, процесс «означивания» дискретен. В своей целостности и гласящее выражение, и «другой» акцентированы в этом процессе, но помечены как «непродуктивные». Сама же среда конституирована по-моему-способу как «всеобщее Мы» и признает лишь моего-другого и отпечатанные письмена. Фактически процесс «означивания» маркирует предельно разряженную светом среду. Бесконечность света и оптика безграничности отправляет возможность идентификации нечто к горизонту «универсальной социальности». Либо же, если и говорить об идентичности нечто в его здесь и теперь, то речь должна идти об акцентировании дискретности – членораздельной разомкнутости континуума интенциональности и, следовательно, об артикуляции того, *что* и *как* правит возможностью самого прибавления, т.е. продолжения.

Собственно, Хайдеггер и предлагает замедлить и о-граничить скорость процесс: определить основания, на котором нечто устойчиво стоит, будучи самим собой, и, следовательно, тот фундамент, где здесь и теперь реально присутствующий «другой» открывает и споспешествует ступанию в

продолжение.

Очевидно, Хайдеггер занимает позицию не за пределами феноменологического движения, а исключительно внутри него. Твердость этой позиции заключается в принципиальном уяснении того, что первое в феноменологической философии не может быть предвзятой идеей научного познания, но ее первое должно быть скорее свободным можествованием встречи, амплификацией и артикуляцией факта этой встречи, что и предначертывает строгий характер научности. Речь идет, таким образом, о пользовании феноменологического метода: вскрытии, благодаря ему, своеобразной «плотной материи» интенциональности, которая обнаруживает себя в «эстетике» встречи. Здесь и лежит различие гуссерлианского и хайдеггерианского понимания девиза Канта «назад к самим вещам». Если Гуссерль акцентировал необходимость строгости в рассматривании вещей, каковой (строгостью) и обосновывалось их идентичность, то для Хайдеггера предлагает акцентировать основание: «Смотреть» означает не только не восприятие телесными глазами, но даже не чистое нечувственное восприятие наличного в его наличности. Для экзистенциального значения смотрения принято во внимание только то своеобразие видения, что доступному ему существу оно дает встретиться неприкрыто самому по себе» [6, с.147]. В этой связи следует в дальнейшем задаться вопросом о том, каким образом таковая встреча сбывается и о месте «другого» в факте этой встречи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Кант И. Критика чистого разума. / Кант И.; [перевод с нем. Н.О.Лосского]. –М.: Мысль, 1994. – 591с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1: Общее введение в чистую феноменологию. / Гуссерль Э.; [перевод с нем. В.И.Молчанова]. –М: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 471с.
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Гуссерль Э. [перевод с нем. В.И.Мочанова]. // Гуссерль Э. Собрание сочинений. –М.: Глозис, 1994. –Т.1. – 192с.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. / Гуссерль Э.; [перевод с нем. Д.В.Скляднева]. –С-Пб: Наука, 1998. – 315с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Гуссерль Э. [первод с нем. Д.В.Скляднева]. –С-Пб: Владимир Даль, 2004. – 399с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. / Хайдеггер М. [перевод с нем. В.В.Бибихин]. –М: Ad marginem, 1997. – 452с.

Терентьева Л. Н. Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова.

УДК. 162.2

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО И НАУЧНЫЙ СИЛЛОГИЗМ КАК «ДВОИЦА» В КАТЕГОРИИ АРИСТОТЕЛЯ «СООТНЕСЁННОЕ».

Доказ і науковий силлогізм розглядаються в категорії Піфагора «двійця» і категорії Арістотеля «співвіднесене». У категоріях подвійного системного моделювання (А.Уємов) аналізується обопільність співвіднесеного.

Ключові слова. Доказ, науковий силлогізм, співвіднесене, «двійця», атрибутивна структура, реляційна структура.

Доказательство и научный силлогизм рассматриваются в категории Пифагора «двоица» и категории Аристотеля «соотнесённое». В категориях двойственного системного моделирования (А.Уёмов) анализируется обоюдность соотнесённого.

Ключевые слова. Доказательство, научный силлогизм, соотнесённое, «двоица», атрибутивная структура, реляционная структура.

The proof and the scientifically syllogism in the category by Pythagores “duality” and category by Aristotle “correlated” are considered in the categories in the double systems modeling (A. Uyemov) the mutuality of the correlation are analyzed.

Key words. The proof, the scientifically syllogism, correlated, duality, attributive structure, relational structure.